

DOI: 10.22363/2224-7580-2024-3-85-93

EDN: NYZSGC

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОПЫТКА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Т.Е. Владимирова

*Институт русского языка РУДН
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10.*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению русского языка с целью раскрытия тех метафизических закономерностей, которые предопределили формирование его лексико-грамматического строя, а следовательно, и стоящей за ним языковой личности. Особое внимание в работе уделяется этнокультурным и психолингвистическим истокам категории безличности, одной из базовых констант первобытного образа мира. Стремление вписаться в течение самой жизни предопределило формирование архаичной языковой картины мира, в которой проявились метафизические принципы дополнительности и триединства.

Ключевые слова: русский язык, безличность, субъект, бытие, метафизический принцип, первобытный, индоевропейский

Введение

Архаичный образ мира и его энергийные смыслы сформировали сознание наших далеких предков, предопределив «путеводную нить языка» (А.Ф. Лосев) и самобытность русской языковой системы, а следовательно, и ее носителей со свойственным им способом бытия в мире. Поэтому изучение русского языка базируется на антропологической концепции целостности, которая исходит из единства природной, бытийной и духовной сущности человека. Это обусловило полипарадигмальность гуманитарных наук и свойственный им интерес к истокам рассматриваемого явления или понятия, благодаря которым достигается целостность.

В итоге исследование языка и «культурного сознания» (Г.Г. Шпет) способствовали развитию таких интегративных дисциплин, как психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, антропологическая лингвистика, теолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, лингводидактика, а в последнее время и лингвистическая генетика. Тем самым были созданы условия для изучения языка и того архаичного образа мира и бытия, который вобрал в себя отношение к окружающей реальности и Высшим началам.

В чем же заключался «энергийно-смысловой потенциал» (А.Ф. Лосев) языка первобытных общностей, который обусловил их самобытное развитие, а затем и способ бытия?

Предпринимая попытку раскрыть те метафизические основания, которые составили фундамент праиндоевропейского, индоевропейского, а затем и русского языка, обратимся к проблеме возникновения языка, которую А.А. Леонтьев считал «пробным камнем лингвистической методологии» [1. С. 5].

1. От языка дородовой первобытной общности к языку

Homo sapiens

Изучая формирование человеческой речи и языковой способности, специалисты пришли к заключению, что «древнейшие каменные орудия палеолита необходимо подразумевали сложившийся аппарат речевого общения людей» [2. С. 88]. В свою очередь производство орудий из камня, дерева и кости (рубила, отщепы, скребки, наконечники копий) и передача трудовых навыков (собирательство, охота, добывание корней из земли) совершенствовали мышление и язык, необходимые для взаимодействия.

Таким образом, развивающееся визуально-ручное мышление, жестикуляция и выкрики обеспечивали также защиту от хищников и нападения враждебных племен, а следовательно, и само выживание первобытных общностей. Что же касается биологического деления на мужское и женское, то оно воспринималось как «естественное», необходимое для выживания первобытной общности, в которой мужчина был охотником, рыбаком и воином, а женщина – матерью и хозяйкой. В итоге дуализм мужского и женского начал в совокупности с биологическими и социальными потребностями первобытных общностей обуславливали их целостность и выживаемость.

Чтобы представить язык на данном этапе развития, приведем следующий фрагмент из книги М. Бубера «Ты и Я»: «Ядра этого языка – слова-предложения, изначальные дограмматические образования, из расщепления которых возникает всё многообразие различных видов слов, – чаще всего обозначают целостность отношения. Мы говорим „очень далеко“; зулус же вместо этого произнесет слово-предложение, которое означает следующее: „Там, где кто-то кричит: „Мама, я заблудился“» [3. С. 25].

Вместе с тем, преодолевая унаследованное животное бытие, человек ощущал свою неразрывную связь с первопредком (тотемом) и с миром природы. Поэтому «в тотемном сознании пространство *состоит* из „плоти и крови“ входящих в него индивидов. Причем родственниками „по плоти“ оказываются луна, грозы, радуга, трясогузки и т. д. Все, что охватывается тотемным пространством, входит в тотемную „плоть“» [4. С. 100].

В целом сакральное отношение к миру природы выступало как одно из Высших начал, которое обладает деятельностной силой, полностью подчиняющей себе человека. Поэтому мир делился для человека на уже им освоенный, профанный и на сакральный, темный и опасный, где ему отводилась лишь функция наблюдателя. В результате дуализм мужского и женского, профанного и сакрального сформировал единое для всех коллективное существование, которое протекало по принципу «что будет – то будет».

При этом окружающее человека бытие фактически выступало в функции деятеля, а действующий в нем субъект – лишь в функции наблюдателя, утверждая тем самым пассивно-приспособительное отношение человека к окружающей реальности [4. С. 65–67]. Примечательно, что М. Бубер также выделял три сферы отношений человека: жизнь с природой, жизнь с другими людьми и жизнь с духовными сущностями, подчеркивая, что духовная реальность произрастает из природной [Там же. С. 88–89].

Предпринятое краткое рассмотрение происхождения языка приводит к заключению, что на начальной стадии формирования языковой способности проявляется, с одной стороны, **метафизический принцип дополнительности** мужского и женского начал, а также биологических и социальных потребностей человека, которые в совокупности обусловили стадный образ жизни и развитие языковой способности. А с другой – **метафизический принцип триединства** как выражение целостной природы человека, в котором биологическая и социальная составляющие органично дополнялись сакральным мировосприятием и потребностью наших далеких предков быть «вписанными» в само бытие.

Сложившаяся ситуация кардинально изменилась, когда 35–40 тысяч лет назад появился *Homo sapiens* («человек разумный»), а вместе с ним утвердилось такая высокоорганизованная форма общества, как **род**, который базировался на кровном родстве, а позднее и на коллективном владении принадлежавшей ему собственностью. Отныне человек должен был руководствоваться принятыми родом обычаями, правилами и нормами. Однако в нем всё активнее начала проявляться «жажда первобытного человека быть», обладая «полнотой существования» [5. С. 38].

В этом контексте значительный исследовательский интерес представляет информация, которая предполагает пересмотр действующей концепции «человека разумного». Здесь мы имеем в виду публикацию С.А. Бурлак о недавно найденных в пещере Схул (Израиль) бусах из раковины, которые были сделаны ранними *Homo sapiens* (около 100 тыс. лет тому назад), а также о бусах из раковины и орудиях с геометрическим орнаментом (75 тыс. лет назад), обнаруженных в Южно-Африканской пещере. Следовательно, рождение первобытного искусства целесообразно отнести к более раннему периоду [6].

По всей вероятности, сложившиеся представления о примитивном сознании первобытных *Homo sapiens* также требуют корректировки. Ведь достигнутый уровень мастерства найденных в пещерах предметов свидетельствует не только о стремлении к прекрасному, но, как представляется, к самовыражению и «полноте существования».

2. О русском языке с позиций метафизических принципов (на материале категории безличности)

Антропный принцип, лежащий в осознании мира, обусловил сходство первобытной ступени в эволюции человека и его языка. Изучая орудия труда, жилища, различного рода артефакты, дошедшие до нашего времени,

исследователи пришли к выводу об общности сакрального восприятия и знаковой объективации мира.

В этом отношении русский язык представляет особый исследовательский интерес, поскольку в нем сохраняются черты, свойственные прародителю всех индоевропейских языков. Это мужской, женский и средний род; категория вида; свободный порядок слов; нерегулярное место ударения в слове; различие одушевленных и неодушевленных существительных; наличие супплетивных форм глагола; отчества; отсутствие артиклей; безличные конструкции и др. [7. С. 484–485].

В рамках настоящей статьи представляется перспективным обратиться к семантико-грамматической категории безличности, которая свойственна древним индоевропейским языкам. Ее присутствие в современном русском языке свидетельствует, по мнению А.М. Пешковского, об «особых формах мышления говорящего по-русски человека» [8. С. 322]. Н.Д. Арутюнова также отнесла безличность к «индивидуальным свойствам русского языка», в котором не только проявился самобытный принцип «по течению», но и был «оформлен особой синтаксической конструкцией, с трудом переводимой на другие языки» [9. С. 807]. Согласно С.Г. Тер-Минасовой, «одним из объяснений этого синтаксического пристрастия русского языка может быть всё тот же коллективизм менталитета, стремление не представлять себя в качестве активного действующего лица» [10. С. 276].

Отнеся эту особенность русской ментальности к глубинным интуициям о мире и бытии, отметим, что Крещение Руси в свою очередь тоже способствовало укоренению в сознании установки на общий модус существования православных верующих.

Примечательно также, что в настоящее время безличность, присущая архаичному сознанию, активно развивается в литературном и просторечном пластах современного языка, а также в территориальных и социальных диалектах. Более того, ее удельный вес не только продолжает увеличиваться, но и расширяет свой семантико-синтаксический и прагматический потенциал.

Данная тенденция была отмечена еще А.А. Потебней, который писал, что «по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных» [11. С. 322]. В свою очередь Е.М. Галкина-Федорук также пришла к заключению, что в русском языке «многие личные глаголы начинают употребляться по типу безличных» [12. С. 151], что также повышало долю бессубъектности в языке. В целом безличные конструкции всё более используются при обозначении действий, которые сознаются и контролируются, но не сопровождаются активными действиями.

Чтобы проиллюстрировать этнопсихолингвистическое и социокультурное разнообразие безличных конструкций в русском языке приведем следующие модели предложений, в которых стоящий за ними субъект ощущает свою «вписанность» в пространственно-временной и бытийный контекст и/или ограничивается лишь констатацией неких обстоятельств и их оценкой:

Светает; Хочется в лес; С работой не ладится; Совсем вылетело из головы; Со стола не убрано; Об обещании как-то забылось; Не хватает

денег; Слышно звонок; Как много потеряно; Меня тянет в деревню; Под сердцем жмёт; В голове застучало; Слышно музыку; Его тошнит; Здесь жарко; Дорогу занесло; Огород затопило; Темнеет; Из окна дует; На меня пахнуло сеном; Пахнет черемухой; Оказалось, что... и др.

Особую группу в языке составляют безличные конструкции, в которых пассивность и бездействие субъекта объясняются некими внешними обстоятельствами и его готовностью подчиниться им.

• *Не было возможности встретиться с друзьями; Пришлось отказаться от мечты; Снова не хватило смелости; Опыта не было совсем; Очень хотелось, но не удалось; У меня опять не сложилось; У брата не получится; Остается ждать; Надо выходить; Не довелось встретиться; Лучшие уйти; Оставалось попрощаться; Нам не повезло; Опять не до отдыха; Не суждено было вернуться и др.*

Обращают на себя внимание также характерные для устной речи фразеологизированные предложения, за которыми стоит субъект, признающий власть обстоятельств и / или выражающий свое отношение к ним:

• *Когда же мне читать!; До учебы ли ей!; Что ему наши советы!; Ей беда не беда!; Хоть меняй работу!; Где мне всё это запомнить!; Нам ли огорчаться!; Как не помочь!; Саше ли не быть довольным!; Нет бы мне одеться теплее!; Как с этим не согласиться!; Не уезжать же домой!* и др. [13. С. 126–127].

В этом контексте примечательна также и свойственная молодым людям тенденция использовать жаргонизмы и сленг с общим значением оценки бытийной ситуации:

• *до лампочки; до фонаря; до фени; по фигу, по барабану; по хрену; фиолетово; параллельно; клёво; классно; круто; чумаво; супер; прикольно; улетно; офигенно; влом; отпад; фигово; сто пудов; стрёмно; гламурно; бьютифул; изи; зашквар; краш; кринж; лойс, юзлес и др.*

Возвращаясь к пословицам, следует также отметить, что на основе наиболее употребительных паремий возникали и продолжают возникать целые гнезда пословиц, в которых также органично сочетаются исконная лексико-грамматическая безличность и идея всеобщности. В качестве примера сошлемся на пословицу *Сколько верёвку ни вить, а концу быть* из собрания В.И. Даля [14. С. 10] и ее широко распространенный современный вариант: *Сколько верёвочке ни виться, а конец будет*.

Приведем паремии, восходящие к этим пословицам и зарегистрированные в «Большом словаре русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой [15. С. 113], в которых безличность входит в состав сложного предложения. В результате свойственная ей неопределенность лишь подчеркивает неотвратимость должного развития событий:

• *Как верёвочке ни виться, а конец будет; Как верёвочке ни виться, а конца не миновать; Сколько верёвочке ни виться, а конец будет; Сколько верёвочке ни виться, а кончику быть; Как верёвочке ни виться, когда-то конец будет; Сколько верёвочку ни вить, а концу быть; Как верёвочка ни вьётся, а кончику быть и др.*

Вместе с тем в «Большом словаре» приводится пословица, которая имеет субъектно-предикатную форму и, следовательно, полностью утратила исходную безличность: *Сколько верёвочка ни вьётся, а конец найдётся.*

Завершая краткое рассмотрение избранного пословичного гнезда, дополним его примерами из книги Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского языка» [16. С. 59, 222], в которых безличные предложения образуют разнообразные комбинации с субъектно-предикатными моделями, что также подчеркивает свойственную носителям русского языка свободу самовыражения и готовность выходить за рамки принятых правил и действующих границ:

Сколько верёвочке ни виться, но концы приходится прятать в воду; Как «цепочке» ни виться, она всё равно должна закончиться переездом; Сколько верёвочка ни вейся, а конец только один; Сколько верёвка ни вейся, а конец у мужика всё равно один.

Предпринятое рассмотрение полностью подтверждает вывод З.К. Тарланова, согласно которому безличность «семантически абстрактнее и грамматически сложнее» субъектно-предикатной (двусоставной) модели [17. С. 32].

Как уже отмечалось, категория безличности изначально присутствовала во всех индоевропейских языках. Однако, в отличие от русского языка, в западноевропейских языках, и в частности в романо-германских, в них утвердилась общая субъектно-предикатная модель предложений, а безличные предложения составляют лишь малую часть, напоминая об эпохе, когда способность к рефлексии еще не имела решающего значения.

В какой степени в современном русском языке проявляются метафизические принципы дополнительности и триединства, которые восходят к первобытному мировосприятию и бытию человека?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к таким метафизическим принципам, как дополнительность (дуальность, дуализм) и целостность (триединство, холизм), которые изначально служили духовными ориентирами в процессе становления и дальнейшего развития языков, имеющих общие индоевропейские корни. (Подробнее о дульном принципе архаичного бытия и архетипе триединства см. в [18. С. 48–52; 57–64]).

3. Метафизические принципы как ключ к взаимопониманию носителей коллективистской и индивидуалистической культур

Приступая к поиску ответа на сформулированные выше вопросы, сравним русские безличные предложения со значением констатации атмосферно-метеорологических изменений погоды в русском:

Темнеет. Похолодало.

и четырех западноевропейских языках:

It's getting dark. It's getting colder (англ.);

Se está haciendo de noche. Se está poniendo frío (испан.);

Es wird dunkel. Es wird kälter (нем.);

Il commence à faire sombre. Il fait plus froid (франц.).

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что русские предложения помимо констатации природных изменений, содержат в себе характерное для носителей языка чувство «бытийной присутственности в мире», которую В.В. Колесов относит к сущностным признакам национальной ментальности [19]. Следовательно, их перевод на языки, в которых принята единая субъектно-предикатная форма предложения, не передает специфичность русского мировосприятия, хотя в них присутствуют формальные подлежащие, такие как *It, Se, Es, Il*, за которыми некогда стояли обожествленные природные стихии. Таким образом, за приведенными, казалось бы, идентичными примерами безличности стоят различные миры, сблизить которые с помощью перевода невозможно.

Но особенно трудоемким для понимания и перевода, по-видимому, является литературный текст, где присутствует пословица, которая «по своей известности, употребительности, авторитетности, убедительности, живучести и эффекту воздействия» [20. С. 3] на носителей языка была бы сопоставима с предложенным переводом.

В качестве примера обратимся к пословице «*Стерпится, слюбится*» в контексте повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и рассмотрим ее неприемлемый, на наш взгляд, перевод на французский язык [21].

Приведем этот фрагмент пушкинского текста, а затем его перевод:

• – *Лица Муромская мне вовсе не нравится.*

– *После понравится. Стерпится, слюбится.*

Анализ французского варианта, предложенного переводчиками, передает лишь временной план сказанного, полностью игнорируя тот «энергично-смысловый потенциал» пословицы, которая приводится в качестве решающего аргумента. Приведем предложенный вариант данного фрагмента пушкинского текста на французский язык, который абсолютно исказил смысл русской пословицы:

– *Lisa Mouromski ne me plaît pas.*

– *Elle te plaira plus tard. L'amour vient avec le temps* / 'Любовь приходит со временем'.

Вместе с тем в русском языковом сознании издавна утвердились в качестве верных аргументов в поиске решения сложных жизненных проблем такие ценностные ориентиры, как: *Бог терпел да и нам велел; Без терпенья, нет спасенья; Терпенье дает уменье; Терпенье и труд всё перетрут; Терпи казак, атаманом будешь* и др.

Более того, русская категория безличности изначально отражала опиралась на языческое мировосприятие, которое полностью подчиняло человека общинному способу бытия, а в дальнейшем – была созвучна православному стремлению согласовывать свои действия с Божьим промыслом и принятым вероисповеданием. Как следствие, «в силовое поле русского языка входят два соотносительных понятия – стихия и воля. Первое относится к миру природы, второе к миру человека. <...> Стихия действует активно, воля – пассивно». В результате восприятие стихийной природы бытия утвердило в сознании принцип «по течению», который получил выражение в безличности

как одной из принципиально важных категорий русского языкового строя [9. С. 814].

Поэтому, анализируя русскую безличность (бессубъектность бесподлежашность, неагентивность) как «органический, неизбежный, совершенно необходимый продукт первобытного мышления», следует рассматривать ее «не как отдалённое прошлое, навсегда превзойдённое и безвозвратно ушедшее, но как элементы, вошедшие и в современную культуру» [22. С. 405]. Такова и унаследованная вместе с языком пассивность субъекта, который как бы растворяется в несоизмеримо большей реальности, не нарушая общей гармонии бытия. Примечательно и следующее замечание И.В. Одинцовой: «Человек в безличных предложениях не создает событие, он в него бесконтрольно вовлечен» [23. С. 102].

При таком понимании унаследованная с языком семантико-грамматическая категория безличности, с одной стороны, заложила основы холистического мировосприятия и бытия, утвердив единство человека с пространственно-временным и ментальным контекстом его бытия. А с другой – возрастающая востребованность безличности снижает жесткую дуальность противостояния памятью о сакральной составляющей человеческой природы и о заповедях принятого вероисповедания.

В заключение подчеркнем, что обращение к категории безличности со всей очевидностью раскрывает значимость метафизических закономерностей, которые проявляются в языке и культуре, а следовательно, и в национальных языковых личностях. Это позволяет видеть в метафизических принципах своего рода ключ к осмыслению самобытных особенностей историко-культурного становления и развития языка и его носителей.

Более того, метафизическое осмысление различного рода гуманитарных проблем восстанавливает поступательное движение от дуализма к холизму, который исходит из целостного единства рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной составляющих сознания [24. С. 113]. Таким представляется путь от конфликтного противостояния к гармонизации человека и его бытия.

Литература

1. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007.
3. *Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995.
4. *Режабек Е. Я.* Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003.
5. *Элиаде М.* Космос и история: избранные работы. М.: Прогресс, 1987.
6. *Бурлак С. А.* С.А. Эволюционные механизмы и этапы формирования человеческого языка: автореф. дис. ... докт. филол. н. М.: МГУ, 2013.
7. *Зарецкий Е. В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты. Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2008.
8. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
9. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968.
12. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958.
13. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016.
14. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
16. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2006.
17. Тарланов З. К. Родительный неопределенного количества как один из системных факторов категории безличности в русском языке // Филологические науки. 2006. № 3. С. 32–40.
18. Владимирова Т. Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.
19. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
20. Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999.
21. Pouchkine A. La demoiselle-paysanne // Récits de feu Ivan Pétrovitch Bielkine traduit par A. Gide et J. Schiffrin. La Bibliothèque électronique du Québec. Vol. 1127. P. 116–157.
22. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982.
23. Одинцова И. В. Концепт «соборность» в русской языковой картине мира // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 63 / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 93–109.
24. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

RUSSIAN LANGUAGE: AN ATTEMPT OF METAPHYSICAL COMPREHENSION

T.E. Vladimirova

*Institute of Russian Language, RUDN University
Bldg 3, 10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the Russian language with the aim of revealing those metaphysical patterns that predetermined the formation of its lexical and grammatical structure, and, consequently, the linguistic personality behind it. Particular attention is paid to the ethnocultural and psycholinguistic origins of the category of impersonality, one of the basic constants of the primitive image of the world. The desire to fit in during life itself predetermined the formation of an archaic linguistic picture of the world, in which the metaphysical principles of complementarity and trinity were manifested.

Keywords: Russian language, impersonality, subject, being, metaphysical principle, primitive, Indo-European